

0 ар
к

к

ДѢТСТВО и ЮНОСТЬ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ.

40820

(Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія
въ ихъ жизни).

Соч. Л. Колэ.

ENFANCES CÉLÈBRES.

переводъ съ 12 изданій

С. Майковой.

СЪ 57 РИСУНКАМИ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА В. П. ГУБИНСКАГО.

Пьеръ Гассенди.

Маленькій Астрономъ.

ЖАКЪ-ТО разъ, въ одну изъ тѣхъ восхитительныхъ лѣтнихъ ночей, что такъ лучезарны въ Провансѣ, гдѣ небесная синева, какъ бы торжествуя побѣду надъ ночною тьмою, искрится и сіяетъ при свѣтѣ необыкновенно яркихъ звѣздъ и какъ бы прозрачной луны, какой-то мальчуганъ лѣтъ восьми, украдкою выйдя за ворота одного изъ скромныхъ домиковъ села Шамптерсье, быстрыми шагами помчался вверхъ чрезъ оливковую рощу, уступами раскинувшуюся по крутому склону высокаго холма, и, добравшись до вершины этого холма, усѣлся здѣсь на высококомъ каменистомъ утесѣ. Зачѣмъ въ этотъ неурочный часъ ночи явился сюда этотъ маленькій мальчикъ, одѣтый въ короткій камзолъ простыхъ

ремесленниковъ? Побудило ли его на это какая-либо задуманная имъ шалость? Собирался ли онъ тайкомъ полакомиться чьими либо чужими плодами, или же разставить тенеты и побаловаться какою либо запрещенною охотою?..

Нѣтъ! Ни блаженное выраженіе счастливо улыбавагося въ эту минуту личика этого ребенка, ни вдохновенный взоръ его не по лѣтамъ вдумчивыхъ глазъ не допускали предположенія, чтобы имъ задумано было что либо вообще предосудительное. И вотъ, скрестивъ руки на груди, онъ съ неподвижностью статуи сидитъ на вершинѣ утеса. Но не внизъ, не на безмолвныя поля, нивы и рощи, гдѣ лишь порою раздавались вдали то пѣснь, то свирѣль пастуховъ, устремленъ его взглядъ; глаза его смотрятъ вверхъ, «дѣтство и юность вел. людей».

на небесный сводъ, смотреть долго и пристально, словно утоная въ лазурѣ воздушнаго пространства, — и весь онъ какъ бы окаменѣлъ въ принадлежѣ восторженнаго созерцанія. Но не молится ли онъ? Нѣтъ! Онъ размышляетъ, предчувствуя то, что пока еще таится во мракѣ невѣдѣнія какъ для него, такъ и для большинства другихъ: теченіе небесныхъ свѣтилъ, ихъ мѣсто и движенія въ небесномъ пространствѣ, и при этомъ спрашиваетъ онъ себя, нѣтъ ли возможности изучить ихъ, описать и распредѣлить по классамъ.

Послѣ того какъ долго, не отрывая глазъ, вглядывался онъ такимъ образомъ въ небесную твердь, усѣянную мириадами звѣздъ различныхъ величинъ, онъ быстро вдругъ опускаетъ глаза на небольшую тетрадь, лежавшую у него на колѣняхъ, и принимается медленно выводить въ ней какіе то знаки, чертить фигуры нѣкоторыхъ созвѣздій. Однакожь въ этомъ его занятіи скоро прерываютъ его шумъ и гулъ нѣсколькихъ голосовъ, между которыми онъ тотчасъ узнаетъ голосъ своего отца.

Вотъ что между тѣмъ произошло у него въ домѣ съ тѣхъ поръ, какъ убѣждалъ онъ изъ него тайкомъ отъ своихъ родителей. Отецъ его и мать, увѣренные, что сынъ ихъ давно спитъ, уже и сами собрались было заснуть, какъ вдругъ услышали они за дверью усиленную стукотню, сопровождавшуюся криками визгливыхъ и сердитыхъ голосовъ.

— Эй, вы, старики! — кричали эти голоса. — Какъ не стыдно вамъ спать, тогда какъ вашъ Пьеръ, этотъ маленькій воришка и бродяга, выпрыгнувъ изъ окна, рыскаетъ по полямъ и са-

дамъ очевидно съ цѣлью воровать маслины и винныя ягоды.

Кричавшая такимъ образомъ ватага деревенскихъ парней состояла изъ пятерыхъ или шесте-

рыхъ негодяевъ, худшихъ ребятъ во всемъ селѣ, являвшихся своимъ буйствомъ и воровствомъ настоящимъ бичемъ честныхъ фермеровъ и земледѣльцевъ. Только и дѣлали они что крали гдѣ плоды, гдѣ овощи, портили деревья, обрѣзая вѣтви, и вообще таскали все, что только попадалось имъ подъ руку. Зная, что давно подкарауливали ихъ и что имъ грозятъ тюрьмою, и замѣтивъ, что маленькій Пьеръ, кроткій, прилежный и честный мальчикъ, который ни за что на свѣтѣ не согласился бы украсть даже простаго полевого цвѣтка, часто отлучался по но-

чамъ изъ родительскаго дому, они рѣшились свалить всю вину за свои продѣлки на него, хотя прекрасно знали, что ребенокъ, уходя изъ дома, предосудительнаго ровно ничего не дѣлалъ, а только садился то на ту, то на другую изъ окрестныхъ высотъ и по долгу созерцалъ оттуда небесныя свѣтила.

— Что тамъ такое случилось?—спросилъ чрезъ дверь испуганный голосъ отца Пьера, между тѣмъ какъ мать мальчика, торопливо войдя въ смежную съ ея спальнею комнату, гдѣ спалъ ея сынъ, въ ужасѣ вскрикнула, увидавъ, что въ комнатѣ никого не было.

— Откройте дверь и пойдите вмѣстѣ съ нами,—отвѣчали голоса шалуновъ,—и мы вамъ докажемъ на дѣлѣ, что сады опустошаемъ не мы, а онъ—вашъ сынъ.

Встревоженные этими словами, а еще болѣе исчезновеніемъ своего ребенка, отецъ и мать поспѣшили отворить дверь.

— Ну, говорите же толкомъ: гдѣ онъ? гдѣ видѣли вы его? Я вполне увѣренъ, что все вами сейчасъ сказанное одна чистѣйшая ложь, — сердито погрозивъ кулакомъ, прикрикнулъ на ребятъ отецъ Пьера.

— Пойдемте! Пойдемте! — повторялъ старшій изъ мальчугановъ.—Идите за нами и вы скоро найдете его гдѣ нибудь спящимъ, послѣ того какъ набилъ онъ себѣ брюхо винными ягодами. Что же касается маслинъ, то этими онъ навѣрное уже разъ двадцать наполнялъ свою шапку и такимъ образомъ перетаскалъ ихъ не малое количество и спряталъ

въ то или другое укромное мѣстечко, чтобы по позже, когда ночь понадвинется, принести ихъ вамъ.

При этихъ словахъ, которыя были прямымъ обвиненіемъ честнаго поселянина въ сообщничествѣ съ мнимыми кражами ложно взваливаемыми на его сына, отецъ Пьера, не въ силахъ сдержать своего негодованія, уже было поднимать руку, собираясь ударить говорившаго такимъ образомъ юнаго негодя; но этотъ послѣдній съ проворствомъ и ловкостью ужа проскользнулъ между его ногъ и такимъ образомъ ускользнулъ отъ грозившей ему здоровой встрепки.

— Полно, старикъ, не сердись, а лучше послѣдуй за нами, если хочешь словить сына на мѣстѣ преступленія, — уже издали закричалъ шалунъ, благоразумно отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ разнѣваннаго фермера.

Желая скорѣе отыскать сына, отецъ Пьера послѣдовалъ за шалунами. Вслѣдъ за нимъ, хотя и вопреки его приказанію оставаться дома, пошла и жена его.

Ночь была прохладная, но ясная; свѣтила луна и чудныя яркія звѣзды горѣли на небѣ, такъ что отецъ и мать, поддерживая другъ друга, могли кое-какъ поспѣвать за юными плутами, со всѣхъ ногъ бѣжавшими впереди ихъ.

Добѣжавъ до подошвы того холма, на вершинѣ котораго погруженный въ созерцаніе небесныхъ свѣтилъ сидѣлъ маленькій Пьеръ, они начали во всю глотку орать, размахивая при этомъ руками, прыгая на мѣстѣ и кривляясь:

— Вотъ онъ! вотъ онъ! Должно быть отды-

хаеть, наворовавъ и наѣвшись до сыта чужихъ плодовъ.

— Пьеръ! Пьеръ! скорѣе сойди внизъ! Приди сюда къ намъ, дитя мое! — со своей стороны закричала ему мать, между тѣмъ какъ отецъ его изо всѣхъ силъ голосилъ:

— Сейчасъ иди сюда, несчастный!

Узнавъ голосъ своихъ родителей, ребенокъ невольно струсиль и опрометью сбѣжалъ внизъ съ холма.

— Что дѣлаешь ты здѣсь на улицѣ среди ночи? — тряся мальчика за плечо сурово спросилъ отецъ. — Ахъ, ты негодный мальчишка! Какъ смѣлъ ты убѣжать изъ дому чрезъ окно, да и для чего? Чтобы мародерствовать тутъ и украдкою таскать чужіе плоды?

— Что ты говоришь, отецъ! — чуть не рыдая возразилъ ребенокъ. — Я конечно виноватъ въ томъ, что ушелъ безъ твоего позволенія; но какъ можешь ты обвинять меня въ воровствѣ? Неужели считаешь ты меня способнымъ украсть что бы то ни было? Пожалуй осмотри — если хочешь — мои карманы, обыщи меня, и ты найдешь у меня всего только вотъ эту маленькую тетрадку, въ которую записывалъ я карандашемъ то, что видѣли мои глаза, смотря на звѣзды.

— Я такъ и знала, что не виноватъ онъ въ тѣхъ гадкихъ поступкахъ, въ какихъ обвиняли его! — замѣтила его мать.

— Замолчи, жена! Дѣти и всегда прибѣгаютъ къ различнымъ изворотамъ, а не то даже и ко лжи, каждый разъ какъ поймашь ихъ на томъ или другомъ дурномъ поступкѣ. Пусть онъ раскается, пусть

признается въ своей винѣ, а не то я проучу его такъ, что долго не забудетъ онъ моего наказанія.

Бѣдный ребенокъ, упавъ на колѣни передъ отцомъ, началъ молить его о прощеніи.

— Прости меня, отецъ, — проговорилъ онъ всхлипывая и цѣлуя руки отцу, — прости, что ослушался тебя, выйдя изъ дому, не получивъ на то твоего позволенія. Но ничего дурнаго — вѣрь мнѣ — я не сдѣлалъ. Спроси у нашего священника, какого онъ

обо мнѣ мнѣнія. Всегда первымъ являюсь я въ школу; всегда очень твердо знаю заданный мнѣ урокъ, — никогда не забываю молиться Богу, — и постоянно въ рекреационные часы читаю ту или другую книгу.

— Но для чего же, несносный ты мальчишка, бѣгаешь ты по ночамъ, вмѣсто того, чтобы мирно спать себѣ? Что тебѣ нужно на улицѣ среди ночи?

— Взгляни на небо, отецъ, — воодушевляясь вдругъ, возразилъ ребенокъ, — и тогда скажи мнѣ, неужели не заслуживаютъ эти дивныя звѣзды, которыя какъ бы смотрятъ на насъ и кротко намъ улыбаются, чтобы изучали мы ихъ и знали?

— Ты никакъ рехнулся, братъ! Ну подумай самъ: гдѣ же намъ понять и знать то, что такъ отъ насъ далеко и высоко?

— А знаешь, отецъ, въ глубокой древности были пастухи, прозывавшіеся халдейскими; но — правда — то было очень, очень давно. Подобно мнѣ, эти пастухи вглядывались, пася свои стада по ночамъ, въ звѣздное небо, — примѣчали взаимное положеніе одной звѣзды къ другой и кончали тѣмъ, что умѣли опредѣлять мѣсто каждой изъ нихъ въ небесномъ пространствѣ. Какъ знать, не удастся ли и мнѣ, какъ имъ, сдѣлать, наконецъ, путемъ долгихъ наблюдений, то или иное открытіе и обозначить именами нѣкоторыя звѣзды? Нашъ священникъ, когда я ему рассказываю все это, вовсе не смѣется надо мною, увѣряю тебя; напротивъ, онъ даже обѣщаль одолжить мнѣ одну книгу, въ которой говорится объ этомъ предметѣ.

— Ладно, ладно! Дѣлать нечего. Видно приходится намъ, старикамъ, вѣчно уступать дѣтямъ, — ворчливо замѣтилъ отецъ все еще не совсѣмъ убѣжденный словами сына. — Впрочемъ, завтра же побываю самъ у нашего батюшки и узнаю, правду ли говоришь ты. Ну, а пока, отправляйся-ка домой и

живо ложись спать, хотя и стоишь ты того, чтобы тебя тотчасъ же наказали уже за одно то, что потревожилъ ты мой сонъ, и сонъ твоей матери.

На слѣдующее утро мальчикъ по обыкновенію отправился въ школу, между тѣмъ какъ отецъ его, прежде чѣмъ приняться за работу, пошелъ пови-

даться съ священникомъ. Онъ засталъ этого послѣдняго читающимъ свой требникъ въ небольшомъ прилежавшемъ къ самой церкви садикѣ и тутъ же рассказалъ ему очень подробно о томъ, что произошло ночью.

Какъ и большинство священниковъ той эпохи приходскій священникъ села Шамптерсье былъ человѣкъ весьма образованный и начитанный.

— Счастливецъ вы! — сказалъ онъ невѣжественному поселянину. — Вашъ сынъ изумительный ре-

бенокъ, и по всей вѣроятности разовьется изъ него со временемъ человѣкъ замѣчательный.

Отецъ Пьера слушалъ священника, разиня ротъ и не совсѣмъ понимая, что хотѣлъ онъ сказать ему этимъ.

— Но для того, чтобы стать такимъ человѣкомъ, какъ вы сказали, батюшка, развѣ необходимо нужно, чтобы по ночамъ рыскалъ онъ по горамъ и холмамъ и чтобы принимали его за бродягу и вора?

— Все это можно будетъ устроить нѣсколько иначе, — возразилъ на это священникъ. — Въ нашихъ горахъ круглый годъ можно встрѣтить не тѣхъ такъ другихъ пастуховъ, что пасутъ свои стада, начиная съ полночи и до зари. Поручите вашего сына присмотру тѣхъ изъ нихъ, которые считаются наиболѣе честными и надежными, и предоставте мальчику безпрятственно предаваться своимъ мечтамъ и своимъ любимымъ занятіямъ. Я самъ охотно возьмусь быть его руководителемъ; буду наставлять его, буду снабжать его книгами для чтенія, и даю вамъ слово, что пройдетъ весьма немного времени, какъ о немъ уже будутъ говорить.

Обрадованный словами добраго священника отецъ Пьера со слезами умиленія поцѣловалъ ему руку.

Сельская приходская школа помѣщалась какъ разъ рядомъ съ домомъ священника, который вмѣстѣ съ другимъ священникомъ, состоявшимъ при немъ въ качествѣ его помощника, были главными въ ней преподавателями. Замѣтивъ рѣдкія способности маленькаго Пьера, старшій священникъ съ особеннымъ усердіемъ занялся ихъ развитіемъ и не замедлилъ включить его въ число тѣхъ наиболѣе

прилежныхъ и способныхъ учениковъ школы, съ которыми исключительно самъ занимался.

Когда отецъ объявилъ Пьеру рѣшеніе священника, мальчикъ просто запрыгалъ отъ радости; но и того болѣе обрадовался онъ, когда нѣсколько дней позднѣе добрый этотъ пастырь, вернувшись изъ Динья, куда ѣздилъ на короткое время, вручилъ ему книгу по астрономіи.

Въ то время наука эта все еще пребывала въ состояніи большой туманности, изобилуя различными заблужденіями, возникшими еще въ глубокой древности, и не было въ ней пока еще ничего похожего ни на ту ясность ни на ту точность, съ какою открытія Коперника, Галилея, а позднѣе Ньютона должны были опредѣлить движеніе небесныхъ свѣтилъ.

Но какъ бы то ни было, а собранные вѣками ошибочные выводы и умозаключенія все же имѣли своего рода значеніе и были не совсѣмъ лишены всякаго интереса. Къ тому же баснословнымъ было не все въ той системѣ, что унаслѣдовали средніе вѣка отъ древнихъ. Такъ напримѣръ названія многихъ звѣздъ, ихъ положеніе въ небесномъ пространствѣ, часы ихъ восхожденія, приращенія и ущерба, исчисленіе возврата кометъ, фазы луны и т. д. все это новѣйшая астрономія признала вѣрнымъ и приняла.

Получивъ драгоцѣнную книгу, столь привлекательную для него при всѣхъ ея недостаткахъ, маленькій Пьеръ почти что не разставался съ нею. Съ помощью крошечнаго телескопа, пользоваться которымъ во всякое время позволялъ ему священникъ, которому принадлежалъ этотъ телескопъ, онъ

старался отыскать въ небесномъ пространствѣ мѣсто и положеніе тѣхъ звѣздъ, описаніе которыхъ находилось въ подаренной ему книгѣ, и уже съ тѣхъ поръ казалось готовился сдѣлать тѣ открытія, что должны были со временемъ прославить его. Съ удивленіемъ наблюдалъ онъ и прохожденіе Меркурія между солнцемъ и землею, и соединенія Венеры съ Меркуріемъ, и свои наблюденія тщательно отмѣчалъ и записывалъ, хотя говорить о нихъ громко, а тѣмъ менѣе издавать печатно онъ пока еще не дерзалъ: онъ ждалъ, чтобы года и опытность придали его словамъ нѣкоторый авторитетъ, а его наблюденіямъ и открытіямъ—вѣсъ и значеніе.

Лишь бы ночь была ясная лучезарная, лишь бы ярко горѣли на небѣ звѣзды, удержать маленькаго астронома дома не могли ни стужа, ни холодный пронзительный вѣтеръ изъ за Альпъ, и каждый вечеръ въ продолженіе всей зимы уходилъ онъ производить свои наблюденія, плотно закутавъ себя въ крестьянскій плащъ изъ толстой шерстяной ткани, который нарочно для этихъ ночныхъ экскурсій сшила ему его мать. Страсть ребенка вглядываться въ небесное пространство, наблюдая положеніе и теченіе звѣздъ, доходила до того, что онъ готовъ былъ всечасно предаваться созерцанію небесной тверди, слѣдя все съ большимъ и большимъ интересомъ то за появленіемъ той или иной звѣзды, то за движеніемъ другой. Онъ обозначалъ имъ самимъ придуманными названіями тѣ изъ звѣздъ, что въ его книгѣ оставались безъимянными, равно какъ и наиболѣе яркія и крупныя звѣзды млечнаго пути. Плѣнительное дѣйствіе имѣли на него неисчис-

лимья мириады туманныхъ; но какимъ образомъ обозначить ихъ, какъ классифицировать? Иной разъ случалось ему находиться съ пастухами, часто наблюдавшими тѣ и другія созвѣздія и потому хорошо ихъ знавшими, хотя научныя названія этихъ звѣздъ оставались имъ конечно неизвѣстными. Такіе пастухи были въ состояніи держать свой путь по звѣздамъ, а равно и предвидѣть очень вѣрно то или другое состояніе погоды, смотря по колориту и формѣ облаковъ, минутами заволакивавшихъ луну. Но чаще всего приходилось мальчику имѣть дѣло съ тупыми и весьма мало любознательными пастухами, вовсе не обращающими никакого вниманія на звѣздное небо, а смотрѣвшими исключительно лишь за своими стадами. Тогда Пьеръ принимался изо всѣхъ силъ тормозить ихъ и не давалъ имъ покоя до самыхъ тѣхъ поръ, пока не удавалось ему заставить ихъ хорошенько взглянуть въ то или другое изъ наиболѣе яркихъ и лучезарныхъ созвѣздій. При этомъ онъ знакомилъ ихъ, смотря по времени года, то съ Большою Медвѣдицею, созвѣздіемъ состоящимъ изъ семи звѣздъ и указывающимъ путь къ сѣверу; то въ сильно морозныя ночи съ Поясомъ Оріона, состоящимъ изъ трехъ замѣчательно яркихъ звѣздъ; въ такія же ночи указывалъ онъ имъ на прекрасныя первой величины парныя звѣзды, называемыя Близнецами, или же Касторомъ и Поллюксемъ; лѣтними же ночами онъ заставлялъ ихъ любоваться то Лирою, то Лебедемъ, двумя удивительно ярко сверкающими созвѣздіями.

Благодаря полученной имъ отъ священника въ подарокъ книги, Пьеръ очень скоро научился от-

личать планеты отъ звѣздъ неподвижныхъ и узналъ въ какой сторонѣ небеснаго пространства находятся планеты Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Всѣ эти планеты видны простымъ глазомъ не менѣе ясно, чѣмъ звѣзды первой величины; хотя и нѣтъ у нихъ ни той сверкающей лучезарности, ни того блеска и яркости, какими отличаются звѣзды. Особеннымъ совсѣмъ блескомъ горитъ Венера при своемъ появленіи на небосклонѣ вечеромъ тотчасъ послѣ заката солнца, что, впрочемъ, повторяется не чаще какъ только черезъ каждые девятнадцать мѣсяцевъ. Представляемое ею въ минуту такого восхожденія зрѣлице дѣйствительно поражаетъ, и не рѣдко случается, что планету эту принимаютъ либо за комету, либо за какое нибудь новое небесное свѣтило. Случается также, что бываетъ она замѣтна даже и при дневномъ свѣтѣ, въ чемъ простой народъ видитъ явленіе сверхъестественное—чудесное знаменіе!

Планета Юпитеръ принадлежитъ также къ числу наиболѣе ярко мерцающихъ, но свѣтится она свѣтомъ болѣе блѣднымъ, чѣмъ свѣтъ Венеры; свѣтъ же Марса имѣетъ оттѣнокъ красноватый, Сатурнъ—свинцовый и, какъ планета наиболѣе отдаленная отъ земли, горитъ для насъ свѣтомъ наименѣе яркимъ.

Все это уже зналъ маленькій нашъ астрономъ и съ удовольствіемъ рассказывалъ и сообщалъ своимъ ночнымъ товарищамъ—пастухамъ, пріучая ихъ такимъ образомъ любоваться великолѣпнѣмъ звѣзднаго неба и распознавать на немъ одно созвѣздіе отъ другаго, планету отъ звѣзды, туманныя пятна, млечный путь и кометы.

Мало по малу молва о необыкновенной начитанности и учености ребенка распространилась по всему околотку. Его школьные товарищи, замѣчавшіе не безъ нѣкоторой зависти пристрастіе къ нему добраго священника ихъ общаго наставника, не мало дразнили его, часто насмѣхались надъ нимъ и то и дѣло старались словить его на той или другой ошибкѣ въ классныхъ его работахъ. Но Пьеръ—какъ вообще большинство дѣтей много размышляющихъ—былъ нрава кроткаго и чрезвычайно миролюбиваго, такъ что не взирая на злыя шутки и выходки противъ него нѣкоторыхъ изъ его товарищей всячески старался оставаться съ ними въ добрыхъ и самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Однажды по случаю дня рожденія своего отца Пьеръ пригласилъ всѣхъ своихъ товарищей по школѣ къ себѣ на завтракъ, и мать его, которая души въ немъ не чаяла, накрыла для маленькихъ гостей своего сына длиннѣйшій столъ въ бесѣдкѣ прилегавшаго къ ихъ дому довольно большаго сада. Каждый изъ мальчиковъ принесъ въ подарокъ отцу Пьера по цвѣтку вмѣстѣ со своимъ поздравленіемъ, послѣ чего вся эта молодая ватага—когда всѣ гости оказались въ полномъ сборѣ—отправилась въ бесѣдку, гдѣ весело приступили къ завтраку, состоявшему изъ тѣхъ лакомствъ, что въ благословенномъ краю этомъ равно появляются и на столѣ бѣдняка, и на столѣ богача. Были тутъ и небольшія бѣловатя винныя ягоды, извѣстныя подъ названіемъ марсельскихъ, и другія продолговатыя, сочныя и крупныя;—зеленыя маслины, приготовленныя съ солью;—затѣмъ цѣлыя горы различныхъ сладкихъ

печеній, вкусныхъ пирожковъ съ вареньемъ, бисквитовъ и пряниковъ;—большія чашки съ молокомъ, другія съ душистымъ винограднымъ вареньемъ. Наконецъ для полноты угощенія каждому мальчику дали по стакану легкаго бѣлаго вина домашняго приготовленія. Пока длилась пирушка миръ и тишина царствовали среди всей этой веселой компаніи; но по окончаніи завтрака начались крики и возня, шумъ и гамъ, не замедлившія перейти, отчасти благодаря и выпитому вину, въ зазорные споры и коекакія легкія ссоры и перебранки.

Между тѣмъ наступила ночь, но ясная, и луна сопровождаемая нѣсколькими красивыми бѣлыми облаками вошла во всей своей красѣ. Вдругъ Пьеръ, покинувъ общество и шумныя игры своихъ товарищей, удалился въ другой конецъ сада и тамъ скоро весь погрузился въ созерцаніе небеснаго свода. Замѣтивъ его исчезновеніе, одинъ изъ школьниковъ поспѣшилъ, чтобы отыскать его, обѣжать весь садъ и, найдя его въ такомъ экстазѣ, дернулъ его за рукавъ:

— Послушай-ка, господинъ ученый, — сказалъ онъ ему, — такъ какъ тебѣ такъ хорошо извѣстно все, что происходитъ тамъ наверху, то скажи ты мнѣ, луна-ли въ эту минуту такъ быстро плыветъ надъ твоей головой, или же то бѣгутъ облака?

— Неужели же ты этого не знаешь!—воскликнулъ Пьеръ не безъ нѣкотораго невольнаго презрѣнія.

— Да ты и самъ, голубчикъ, видно не совсѣмъ то хорошо знаешь, — возразилъ товарищъ; — такъ какъ иначе навѣрное тотчасъ же отвѣтилъ бы мнѣ.

Эй вы, ребята, — прибавилъ онъ, обращаясь къ остальнымъ школьникамъ, которые между тѣмъ приблизились къ нимъ, — какъ вы полагаете: луна-ли бѣжить или же бѣгутъ облака?

Подумавъ съ минуту, школьники всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили, что то бѣжить луна.

— Всѣ вы ошибаетесь, — спокойно замѣтилъ имъ на это Пьеръ, — что и докажу я вамъ сейчасъ. Ступайте за мною и станемте вонъ подь ту высокую раскидистую черешню.

Мальчики безпрекословно повиновались Пьеру и помѣстились, плотно сгруппившись около него, подь деревомъ.

— А теперь поднимите голову, — сказалъ онъ имъ, — и смотрите на луну: вы видите, она свѣтится все между одними и тѣми же листьями, тогда какъ облака уходятъ дальше.

Такое простое и наглядное доказательство чрезвычайно поразило всю это шумную ватагу легкомысленныхъ дѣтей, и начиная съ этой минуты они прониклись чѣмъ-то въ родѣ уваженія къ маленькому Пьеру.

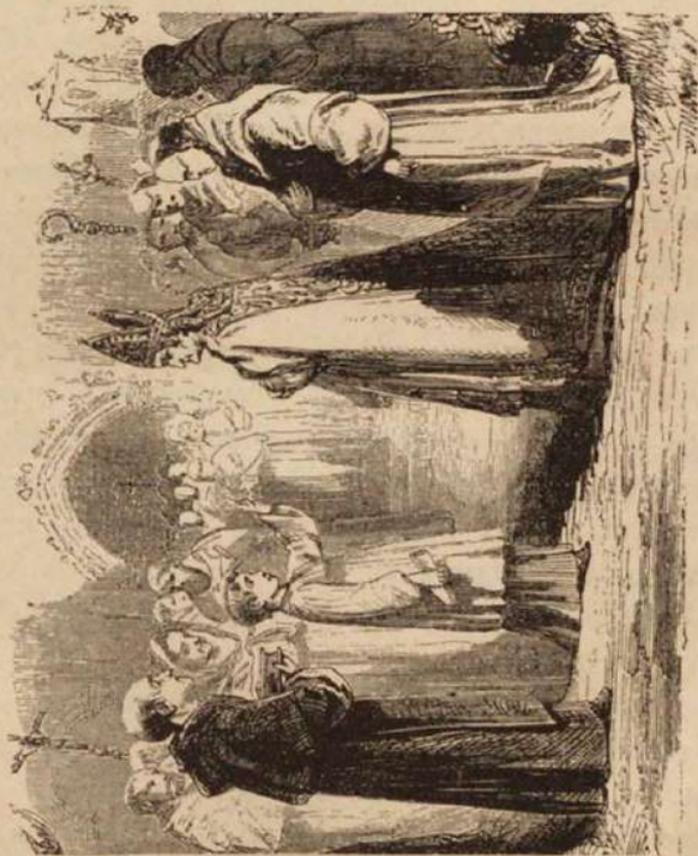
Спустя нѣсколько времени послѣ этого маленькаго случая въ селѣ Шамптерсѣ зачались приготовления къ большому и весьма торжественному празднеству, предстоявшему по случаю ожидавшагося ко дню конфирмаціи пріѣзда Диньскаго епископа, который въ это время объѣзжалъ вѣренную его заботамъ и управленію епархію. Цвѣтами и зелеными гирляндами разукрасили прихожане свою церковь, а на площадкѣ, передь главнымъ

порталомъ, они воздвигнули триумфальныя ворота, которыя убрали зелеными вѣнками въ перемѣшку съ букетами розъ, гвоздики и разныхъ полевыхъ цвѣтовъ. Окны неприхотливыхъ деревенскихъ домовъ были задрапированы гдѣ пестрыми платками, гдѣ одѣялами, гдѣ оконными занавѣсями. Въ назначенный день сельскій священникъ и его коллега облачились въ свои праздничныя ризы и въ ожиданіи приѣзда епископа вышли на паперть въ сопровожденіи длинной вереницы учениковъ сельско-приходской школы, которые, по случаю этого торжества, были всѣ одѣты пѣвчими. Былъ тутъ между ними и нашъ маленькій Пьеръ, котораго бойкіе живые глазенки, равно какъ и прелестное румяное личико плѣняли взгляды всѣхъ. Онъ стоялъ на паперти у самыхъ дверей и стало быть какъ разъ напротивъ триумфальной арки, чрезъ которую долженъ былъ пройти, чтобы вступить въ церковь, его преосвященство, и держалъ въ рукѣ какую-то бумагу, которую то и дѣло пробѣгалъ глазами.

Вдругъ въ селѣ все задвигалось; тамъ и сямъ слышались восклицанія; поднялась бѣготня; толпа хлынула къ церкви. Наконецъ очень явственно послышался стукъ колесъ: то подъѣзжала карета епископа. Со всѣхъ сторонъ тотчасъ раздались радостные клики, но быстро были заглушены хоромъ церковныхъ пѣвчихъ и учениковъ школы.

Выйдя изъ кареты, епископъ въ сопровожденіи старшихъ своихъ викаріевъ пѣшкомъ прошелъ подъ устроенной въ честь его приѣзда триумфальной аркой. Тутъ пѣніе смолкло, и нашъ маленькій астрономъ, очутившись лицомъ къ лицу къ подходившему къ

церковной паперти епископу, обратился къ нему съ привѣтвенною рѣчью, которую произнесъ чрезвычайно отчетливо и ясно. Онъ началъ съ того, что замѣтилъ, что пріѣздъ его преосвященства являлся настоящимъ праздникомъ для всего села; — благодатью для тѣхъ дѣтей, которыхъ при корfirmаціи онъ долженъ былъ осѣнить благословеніемъ Св. Духа; — счастливымъ днемъ для всѣхъ ихъ,

такъ какъ его преосвященство является къ нимъ не только представителемъ вѣры и христіанскаго милосердія, но и представителемъ науки и изящ-

ной словесности: его преосвященство человекъ ученый и знаетъ, что всѣ эти безчисленные міры, что въ ночи ясныя горять надъ нашей головою, славословятъ Творца, — что каждая звѣзда, какъ и послѣднее насѣкомое говорить о Его безконечной Премудрости; — что древне-греческіе великіе философы и мыслители говорили и писали подѣ наитіемъ божественнаго вдохновенія, — что поэты, ученые, художники своими твореніями свидѣтельствуютъ о Его величіи. И говоря такимъ образомъ, мальчикъ дѣлалъ при этомъ краткій обзоръ нѣкоторымъ наиболѣе выдающимся историческимъ событіямъ какъ новѣйшаго времени, такъ и временъ болѣе отдаленныхъ, причемъ поименно упомянулъ тѣхъ великихъ людей, что были какъ бы отмѣчены Божьимъ перстомъ.

Съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ Пьера прелатъ и казалось пораженъ былъ изумленіемъ. Сперва онъ было подумалъ, что рѣчь эту сочинилъ священникъ; но услыхавъ отъ этого послѣдняго, что мальчикъ самъ придумалъ ее, составилъ и написалъ, онъ воскликнулъ:

— Дитя это будетъ со временемъ знаменитостью своей эпохи!

Затѣмъ, поцѣловавъ маленькаго оратора, онъ вошелъ въ церковь въ сопровожденіи всей своей свиты.

Среди церкви въ бѣлыхъ шарфахъ, повязанныхъ крестомъ на груди, и со свѣчей и букетомъ бѣлыхъ цвѣтовъ въ рукѣ стояли въ рядъ съ обнаженной головою и преклонивъ колѣни тѣ изъ деревенскихъ дѣтей, что должны были быть конфи-

мованы въ этотъ день. Епископъ обратился къ нимъ съ рѣчью и объяснилъ имъ великое значеніе того таинства, къ которому готовились они приступить. Рѣчь эта произвела глубокое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Но никто такъ сильно не былъ ею умиленъ какъ нашъ маленькій астрономъ, который въ словахъ епископа прочелъ какъ бы подтвержденіе своимъ собственнымъ мыслямъ. Пьеръ былъ въ восторгѣ, услыхавъ изъ устъ знаменитаго прелата, извѣстнаго не только своими богоугодными дѣлами и праведною жизнью, но и глубокою ученостію какъ по части богословія, такъ и вообще по всѣмъ отраслямъ знанія, что наука не только не подрываетъ вѣры въ Бога, но еще укрѣпляетъ ее. Онъ было хотѣлъ преклонить передъ нимъ колѣни и, поцѣловавъ край его одежды, испросить его особаго благословенія; однако не рѣшился этого сдѣлать отчасти благодаря своей природной робости, а отчасти изъ чувства благоговѣйнаго страха передъ почтеннымъ епископомъ, и по окончаніи церемоніи, снявъ съ себя одежду цѣвчаго, удалился вмѣстѣ съ толпою изъ церкви, вовсе даже не надѣясь, чтобы прелать когда-нибудь опять вспомнилъ о немъ.

Послѣ богослуженія священникъ села Шамптерсье пригласилъ епископа къ себѣ къ обѣду, на который, чтобы должнымъ образомъ почтить высокаго гостя, созвалъ всѣхъ наиболѣе знатныхъ лицъ села. Когда всѣ гости собрались и сѣли къ столу епископъ, обратясь къ священнику, замѣтилъ:

— Недостаетъ здѣсь кое-кого.

— Кого же именно, ваше преосвященство?

— Миѣ хотѣлось бы видѣть здѣсь среди насъ давшняго нашего маленькаго оратора. Великимъ человѣкомъ будетъ со временемъ этотъ славный мальчуганъ.

— Я побоялся пригласить его, чтобы какъ-нибудь не возгордился онъ и не зазнался,—отвѣтилъ священникъ, любившій однакожъ Пьера какъ бы роднаго сына.

— Да, и вы были правы,—одобрилъ епископъ священника.—Лучше постараться сдѣлать что-либо ему на пользу, чѣмъ кружить ему голову громкими похвалами.

Послѣ этихъ словъ епископъ словно о чемъ-то задумался.

По окончаніи обѣда епископъ, потолковавъ еще нѣсколько минутъ съ священникомъ и нѣкоторыми изъ гостей о дѣлахъ прихода, распрощался съ ними, такъ какъ желалъ еще къ вечеру поспѣть въ другое село, гдѣ предполагалъ ночевать и на слѣдующій день совершить таинство конфирмаціи.

Толпою высыпалъ народъ, чтобы проводить своего глубоко уважаемаго епископа, и, пока этотъ послѣдній садился въ карету, привѣтствовалъ его громкими кликами. Всѣ были увѣрены, что экипажъ полемъ пройдетъ прямо на большую дорогу, и потому всѣ очень удивились, увидавъ, что карета свернула на узенькую окольную дорожку. Очень многіе изъ любопытства послѣдовали за ней, и каково же было изумленіе этихъ многихъ, когда они увидали, что карета его преосвященства остановилась передъ крыльцомъ скромнаго домика отца Пьера.

Выйдя изъ кареты, епископъ приказалъ одному

изъ своей свиты доложить о себѣ родителямъ Пьера, и черезъ минуту отецъ и мать мальчика предстали на порогѣ своего дома, радостно смущенные такимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ.

— Согласитесь-ли вы, друзья мои, довѣрить мнѣ вашего сына?—привѣтливо спросилъ ихъ епископъ.

— О, возможно-ли, чтобы ваше преосвященство захотѣли принять на себя заботы о воспитаніи и объ образованіи нашего ребенка? — воскликнулъ отецъ виѣ себя отъ избытка радостныхъ чувствъ.

— Да, я желалъ бы это сдѣлать, — отвѣтилъ

епископъ, — ибо ребенокъ этотъ отмѣченъ — сдается мнѣ — самимъ Богомъ, и — я увѣренъ — будетъ гордостью и славою нашего милого отечества.

А между тѣмъ мать Пьера, при мысли о разлуки съ сыномъ, горько плакала, и мальчикъ, успѣвшій тѣмъ временемъ прибѣжать, всячески старался утѣшить ее и успокоить ласками и добрыми словами.

— И такъ, если вы согласны поручить вашего сына моимъ попеченіямъ, — продолжалъ епископъ, — то я теперь же увезу его съ собою въ моей каретѣ. Въ его годы дорогъ для умственного развитія каждый день и каждый часъ.

Маленькій Пьеръ весь просіялъ отъ радости, и отецъ его, поблагодаривъ епископа, проговорилъ наконецъ:

— Возьмите его! Ваше преосвященство знаетъ лучше насъ, людей темныхъ, что можетъ послужить ему во благо.

Но матери, сердце которой разрывалось отъ боли, хотѣлось какъ-нибудь отсрочить тяжелую минуту разлуки, и робко замѣтила она:

— Но надо же два-три дня, чтобы успѣть приготовить ему кое-какую одежду и привести въ порядокъ его бѣлье.

— Объ этомъ не беспокойтесь: я самъ снабжу его всеѣмъ нужнымъ, — отвѣтилъ епископъ. — Не плачте и не горюйте о разлукѣ съ сыномъ; вѣдь это дѣлается для его пользы. Къ тому же дней черезъ пять-шесть вы сами можете побывать въ Диньи и тамъ сprovѣдать его.

Мальчикъ поцѣловалъ отца, еще нѣжнѣе об-

нялъ мать, которая все продолжала плакать, и затѣмъ, проворно вскочивъ въ карету, сѣлъ на то мѣсто, которое указалъ ему епископъ напротивъ себя.

Спустя недѣлю послѣ этого Пьеръ Гассенди поступилъ въ диньскую классическую гимназію, гдѣ очень основательно и прилежно занялся изученіемъ классиковъ; и впослѣдствіи занялъ въ свое время мѣсто на ряду съ знаменитѣйшими учеными и мыслителями своего вѣка.

